

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_48
EDN: TGYGMT

Субъектно мотивированная специфика жанра стихотворных переложений псалмов

Татьяна Григорьевна Доссэ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
tdosse@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-0695>

Аннотация. В период социокультурной и в том числе политической трансформации общество часто обращается к традиционным духовным истокам, понимая их значимость в процессе становления жизненных ориентиров молодого поколения. В статье подчеркивается актуальность обращения современного литературоведения к проблеме взаимного влияния христианства, православия и литературы. Парафразы псалмов соединили европейскую христианскую поэзию с богодухновенным ветхозаветным текстом, наполненным истинной верой и авторским творчеством. Для русского человека Псалтирь с её поэтичностью и молитвенной выразительностью, раскрывающей все стороны православной души в отношении к Богу и к жизни, традиционно является спутником и в радости, и в горести, недаром творческий диалог поэтов России с Псалтирью продолжается и сегодня. Возникшее в эпоху Возрождения вольное обращение со священным оригиналом, а затем вернувшееся в эстетике барокко и классицизма преклонение перед ним предоставили возможность для нового эстетического переживания и восприятия стихов Давида. Автор статьи стремится определить место и роль переложителя в субъектно-объектной организации переложений псалмов с позиций православно-христианской культуры, осмыслить динамику взаимодействия личного и сверхличного. По его мнению, отражение внутреннего духовного мира личности в переломные моменты жизни особенно ярко проявляется в исповедальной основе и глубоком психологизме литературных переложений библейской Книги псалмов – Псалтири. Представленный в статье сравнительный анализ переложений псалмов рядом поэтов XVIII – начала XIX веков позволяет выявить, что субъектно-мотивированная поэтическая природа жанра стихотворных переложений псалмов не только обладает раскрытыми в статье специфическими характеристиками, но и воплощает принципы общечеловеческой нравственности, призывает к справедливости и социальному равенству. Возможность использования литературных переложений Псалтири в развитии морально-этической сферы и духовной активности личности сегодня становится очевидной.

Ключевые слова: Псалтирь; истоки духовности; литературные (стихотворные) переложения псалмов; субъектно-мотивированная жанровая природа; личность

Для цитирования: Доссэ Т. Г. Субъектно мотивированная специфика жанра стихотворных переложений псалмов // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 48–55. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_48. <https://elibrary.ru/TGYGMT>

Original article

Subject motivated specificity of the psalm poetic paraphrases genre

Tatiana G. Dosse

Candidate of philological sciences, associate professor, the department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
tdosse@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-0695>

Abstract. During a period of socio-cultural and political transformation, society often turns to traditional spiritual sources, understanding their importance in the process of forming life guidelines for the younger generation. The article emphasizes the relevance of addressing the problem of interaction between Christianity, Orthodoxy, and literature in contemporary literary criticism. The psalm paraphrases linked European Christian poetry with the divinely inspired Old Testament text, filled with true faith and creativity of the author. For the Russians, the Psalter, with its poetry and reli-

gious expressiveness revealing all aspects of the Orthodox soul in its attitude to God and to life, has traditionally been a companion both in joy and in sorrow, hence the continuous creative dialogue between Russian poets and the Psalter. The liberal treatment of the sacred original arose in the Renaissance period, was admired later in the Baroque and Classical aesthetics, and provided an opportunity for a new aesthetic experience and perception of David's poems. The author of this article seeks to determine the place and role of the paraphraser in the subject-object organization of psalm paraphrases from the perspective of Orthodox Christian culture and to understand the dynamics of interaction between the personal and the super-personal. An individual reflection of the inner spiritual world at critical moments in a person's life is particularly evident in confessional and deeply psychological literary paraphrases of the biblical Book of Psalms, the Psalter. The comparative analysis of psalm interpretations by a number of poets of the 18th – early 19th centuries shows that the subject motivated poetic nature of the genre of psalm poetic paraphrases not only possesses the specific characteristics described in the article, but also embodies the principles of universal morality, appeals to justice and social equality. The possibility of using literary interpretations of the Book of Psalms in developing the moral and ethical sphere and spiritual activity of the individual is becoming evident today.

Key words: the Book of Psalms; origins of spirituality; literary (poetic) paraphrases of psalms; subject-motivated genre nature; personality

For citation: Dosse T. G. Subject motivated specificity of the psalm poetic paraphrases genre. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(1):48–55. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_48. <https://elibrary.ru/TGYGMT>

Введение

Для переломных эпох естественно обращение общества к устойчивому институту духовной жизни. П. Е. Бухаркин называет множество причин этого явления: от сохранения глубины традиций до духовной жажды современного человека, политических факторов времени и просто интереса к тому, что долго было под запретом [Бухаркин, 1996, с. 11]. Значимость использования библейских историй в развитии морально-этической сферы и духовной активности личности подчеркивал известный исследователь Библии Густав Гече [Гече, 1988]. Кроме того, многовековая основополагающая задача литературного произведения как и «главной» книги человечества – Библии – дать читателю жизненные ориентиры, помочь в выборе верного жизненного пути, безусловно, определяет актуальность обращения современного литературоведения к проблеме взаимного влияния христианства, православия и литературы, что подтверждается целым рядом исследований последних лет [Гларинтова, 2011; Есаулов, 2019; Калугина, 2015; Ратников, 2016; Синило, 2019 и др.].

Псалтирь как часть Библии сопровождала русского человека на протяжении всей жизни. К Псалтири обращались в минуты скорби и радости, несчастья и благополучия. Псалтирь отзывалась в пословицах и поговорках. Сама возвышенная поэтичность и молитвенная выразительность псалмов сделались близки православному читателю и слушателю. В. А. Котельников отмечает, что в псалмах все стороны и состояния души предстают в их живых отношениях к Богу, и в этом велика роль мощного и выразительного

псалмодического слова. Именно Псалтирь ярче всех проявила себя в древнерусских текстах, стала самым важным источником оригинальной русской литературы, благодаря её личностному, уникально человеческому характеру, благодаря ее содержательной и функциональной универсальности, благодаря отношению к ней на Руси как к основе духовного делания человека [Котельников, 1994, с. 5].

Один из известных отцов церкви епископ Афанасий Александрийский в послании к Маркеллину «Об истолковании псалмов», отмечая значимость всеобъемлющего содержания песенно-поэтической формы Псалтири, писал: «...Специфическая особенность этих песнопений состоит в том, что в них не просто последовательно излагаются события библейской истории, но они даны в преломлении переживающей их души, то есть изображены движения души в различных житейских и исторических перипетиях. В книге псалмов любой человек может найти песнопения, как бы приспособленные к состоянию его души» [Библейская энциклопедия, 1990, с. 584]. Можно заметить, что наиболее интенсивное обращение к литературным переложениям псалмов наблюдалось в тот период времени, когда «национальный язык, словесность (в первую очередь лирическая поэзия), литературный стих находились в стадии поиска, формирования, становления» [Бедина, 2004]. При этом прослеживается тенденция отступления от канонического текста, что обусловлено идеологическими, нравственными и эстетическими принципами как времени, так и автора-переложателя.

Основная часть

Е. В. Семёнова выделяет следующие жанрообразующие признаки переложений псалмов: наличие интертекстовых связей с псалмом; особую тематику (диалог Творца и души человека); включение в систему родственных жанров (духовная ода, гимн, элегия); соединение в жанровой природе ораторского, одического и личностного, элегического начал [Семёнова, 1995, с. 14]. Перечисленные жанрообразующие признаки переложений являются лишь «внешними». А какова же внутренняя организация произведений данного жанра в контексте православно-христианской культуры с позиций динамичного субъектного взаимодействия? Каково место и роль автора в субъектно-объектной системе переложений псалмов? Как сочетаются в этом жанре личное и сверхличное?

Данная самой Псалтирю возможность «приблизить» библейский текст к себе, заложить в парафразы исповедальность, сместив для этого акценты, совершенно очевидна. Но вместе с тем, именно посредством литературных переложений псалмов происходит соединение европейской, христианской по своему пафосу поэзии с наследием Ветхого Завета. Поэты-христиане вдохновлялись ветхозаветным текстом – универсальным образцом истинной веры и авторского творчества. Свободное отношение к священному оригиналу, появившееся в эпоху Возрождения, когда человек воспринимался почти равным Богу, и возродившийся в эстетике барокко и классицизма некий «пиетет» к нему создали предпосылки для эстетического его переживания и восприятия, показали возможность вступления автора в художественное взаимодействие, в творческий диалог с богодухновенным текстом. В справедливости подобного вывода можно убедиться, ознакомившись с результатами исследований Ю. Я. Барабаш (2017), А. А. Козловой (2005), А. Г. Масловой (2020), С. Н. Симоненковой (2021).

Стихотворные переложения Псалтири Симеоном Полоцким явились своеобразным прологом новой литературы России и началом русской псалмодической традиции в поэзии, которая соединила в себе православный дух с открытостью к европейской стихотворной литературной традиции. Мы должны понимать, что если европейские поэты тяготели к свободному соединению духовной веры с индивидуальным прочтением Псалтири, то русские по-

эты выше всего ставили чистоту веры, верность традиции, и им свойственен настолько буквалистический подход к стихотворным переложениям псалмов, насколько это возможно при использовании ритма и рифмы. Таким образом, несмотря на несомненное присутствие личностного начала, в русской поэтической версификации псалма на первом месте – начало сверхличное.

В России в результате реформ Петра I произошло навеянное также и мировым общественным и культурным развитием деление культуры на духовную и светскую, но ни в коем случае не отрицание духовной. Истинно православное личностное сознание есть сознание соборное, сознание всеобщего единства, скрепленного любовью и надеждой на преображение. Собственно это и является центральной проблемой всей русской культуры, литературы и русской религиозной поэзии в частности. Православие направляет внимание на внутренний мир человека, на его преображение, устанавливает неразрывную зависимость жизни человека и общества от духовного состояния каждой человеческой личности.

Старые ценности никогда не покидают культуру, они приспособляются к новым задачам и начинают новую жизнь. Интенсивное обращение русских поэтов XVIII века к переложениям псалмов объясняется укорененностью Псалтири в православной церковной службе, её важной ролью в образовании и в быту, её общечеловеческим содержанием, стимулирующим выражение личных переживаний, возможностью интимного общения с Господом. Вслед за В. А. Западным, И. З. Серманом, Д. К. Мотольской, О. А. Державиной мы считаем жанр переложений псалмов возможностью воплощения и развития лирического начала в рамках барокко и особенно классицизма, не знавшего интимной лирики. Время лирики ещё не наступило, лишь в переложениях псалмов лирическая тема звучала в полный голос: чужими словами поэты выражали состояние собственной души в сопряжении общечеловеческого, личного и сверхличного начал.

Подробная история развития жанра литературных переложений псалмов в русской литературе достаточно отражена в современном литературоведении. Мы сочли возможным в рамках статьи кратко рассмотреть процесс становления национальной псалмодической традиции на основе сравнительного анализа литературных пе-

реложений 1-ого и 136-ого псалмов, наиболее популярных у поэтов-версификаторов конца XVIII и первой половины XIX веков, с целью дальнейшего уяснения специфики жанровой природы стихотворных переложений и их субъектной организации.

Уже при анализе изменений авторской позиции в различных вариациях переложений указанных псалмов субъектно-мотивированная сфера обнаруживает себя как особое «пограничное», дуалистичное явление лирики. Эта специфика жанра и исследуемой нами субъектной организации связана, с одной стороны, с «ограничениями» автора как переложителя сакрального текста, а с другой стороны, – с особой исповедальностью и лиризмом, то есть с проявлением субъективизма автора как творца. Интерпретация 1-го псалма, концентрирующего важнейшие темы Псалтири, С. Полоцким и М. Ломоносовым рассмотрены в работе И. З. Сермана «Поэтический стиль Ломоносова. Ученый подчеркивает уже у С. Полоцкого появление индивидуально-личностного содержания: поэт «привносит нечто свое, новые оттенки смысла, иные образы и идеи...», – и отмечает следование ему Ломоносовым в сохранении психологического содержания и стилистики [Серман, 1966, с. 100–101]. Действительно, замена ряда глаголов и эпитетов (вместо библейского «нечестивых» – «злых»), а особенно авторское обращение к образу «сердца»: «по желанию сердца» – у Полоцкого; «и сердцем оный наблюдает» – у Ломоносова, – вносят иной эмоциональный оттенок, подчеркивают лиризм, субъектно-психологическую природу жанра. Кроме того, интерпретационная творческая природа переложения у Ломоносова прямо обозначается названием стихотворения – «Преложение псалма 1» (у Полоцкого – «Псалом 1»). Вместе с тем, данные переложения являются буквальными, поскольку Высшее сверхличное начало, безусловно, преобладает над личным, что обусловлено духовно-религиозным сознанием, православным мироощущением поэтов, проявляющимся в их понимании праведности и грешности, убежденности в Божьей справедливости. «Пограничность» жанра, связанная с его появлением в эйдетику эпоху, проявляется также в удивительном переплетении чувства и логики: диагностика чувств от восхищения до неприятия и логически последовательное рассуждение о праведных и грешных, о судьбе человека и Божьем суде – лирика и нравоучение одновременно.

Дальнейшая эволюция переложений псалма 1 подтверждает нашу гипотезу о специфичности жанра. С переходом литературы в модальную стадию поэтики индивидуально-творческий аспект стихотворных переложений псалмов расширяется. Уже названия переложений псалма 1 Ф. Глинкой (1824 г.) и Н. Языковым служат иллюстрацией возрастания роли личного начала: «Блаженство праведного» – у Глинки и «Подражание псалму» – у Языкова.

Резко меняется основной эмоциональный тон переложений, становясь не только возвышенным, но и взволнованным, обнажающим душу человеческую: учительный образ – характер «я – для – других» постепенно превращается в лирического героя, равного автору, в образ-личность «я – для – себя». Переложение Ф. Глинки носит характер восторженной хвалебной оды, но не Богу (образ Господа появляется в самом конце переложения как карателя «нечестивых»), а праведному Человеку. Автор подчеркивает глубокую лиричность своей версии, создавая уже в первом четверостишии образ души («...в союзе чистых душ», «...для души находит»). Перед нами возникает истинно романтический герой (он «...вперил на правду очи», «...чист, душою прям...») в романтических обстоятельствах (он «...бичом судьбы гоним в шум бурных океанов», на него обрушивается «неудержимый ураган»), который «смело борется с судьбой!». Ценностные ориентации автора определены как эпохой дворянской революционности (его герой «будет памятен отчизне, благословит его народ»), так и духовно-религиозным сознанием (герой «смело борется с судьбой», поскольку «он видит Бога над собой», считает Господа своим «пастырем и отрадой»). Интерпретационность жанра и субъективно-личностное начало позволяют Ф. Глинке не просто воспроизвести псалтырный Идеал, как у С. Полоцкого и М. Ломоносова, а на основе творческого диалога с «разумом» псалма создать новый, соответствующий его эпохе и его личному представлению. Лирическая компенсаторная основа переложения Глинки очевидна, его коммуникативность подчеркивается не только наличием внутреннего диалога личного и сверхличного, но и прямым обращением автора к «страдальцам правоты» в последних строках переложения, к которым он несомненно относит и себя.

В «Подражании псалму» Н. Языкова лирический герой (автор) и ситуация еще более конкретизируются, они более реальны: он «муж боголюбивый», он «лишний гость на том пиру, где

брат обманывает брата, сестра клеветает на сестру; где суесловят вольнодумно хула, злоречие и лесть».

Нравоучения нет и в помине, автор идентифицирует себя с героем, который «мудрости высоко послушен сердцем и умом», сопрягая личное с Вечной Истиной, утверждающей, что «злочестивый прав не будет» и Господь «беззаконного казнит».

Специфика субъектно-мотивированной поэтической природы рассматриваемого жанра находит свое подтверждение и в ходе анализа ряда переложений псалма 136, «псалма проклятия», по выражению Л. Ф. Луцевич. В книге «Псалтирь в русской поэзии» она отмечает повышенное эмоциональное содержание и даже несколько романтизированную систему координат в переложении 136-го псалма («На реках Вавилонских») В. Третьяковским, где переплетается идеальное прошлое и «роковое» настоящее [Луцевич, 2002].

В «Подражании 136-му псалму» И. Дмитриева (1822 год) эта эмоциональность повышается, автор отдает дань эпохе: появляются романтизированные «бледные» ивы, «томно» качающиеся лиры, мы, «безмолвны и сиры», «сладость жизни», «ужасный день»; используются междометия «увы», «ах»; возрастает количество восклицательных предложений (9 против 3-х в первоисточнике). Очевидно, что душевно-психологическое состояние лирического героя, чувства боли, горечи, жажды мести и Божьей справедливости выражаются более открыто. Тем не менее, сверхличное начало и духовно-религиозное сознание поэта проявляются в достаточно жестком следовании теме и сюжету псалма 136, в сохранении оппозиции добра и зла, воплощенных в Иерусалиме и Вавилоне, диалога с врагами, самим собой и с Богом.

В. Григорьев подчеркивает лирическую природу жанра уже в названии переложения: «Чувства пленного певца (Подражание 136 псалму)». Романтизация данного переложения также очевидна: здесь и «сплетенный венец», и «рубщица дев», и «отеческий кров», и «пылкое сердце». Но автор решительно заменяет «мы» первоисточника на «я» и называет пленного «певцом» (поэтом), определяя тем самым иносказательность псалтырной ситуации, ее тесную связь со своей судьбой – «концептированный» автор превращается в биографического. Исчезает диалог не только с врагами, но и с Господом как справедливой карающей силой, ситуация приближена к

реалиям эпохи. В центре – «я» поэта, он тоскует и мечтает, он решительно отказывается «арфу порочить, душе изменяя» и «лелеять» песнею слух «злодея» даже ценой собственной жизни. В переложении В. Григорьевым 136-го псалма (1824 год) очевидны как революционный настрой декабристов, так и идейные послылы масонства, популярные в то время среди придворной знати. Конфликтная диалогичность добра и зла, свойственная псалму, сохраняется, но отсутствует 9-я часть первоисточника о мщении потомкам вавилонян – так обозначается личностная гуманистическая позиция автора.

Согласимся с А. С. Шеремет, что религиозный поэт И. Бороздна неслучайно назвал свою «Песнь иудейских пленников» (1847 г.) опытом нового переложения [Шеремет, 2015]. Действительно, в отличие от буквальных переложений Полоцкого и Третьяковского, индивидуально-творческой романтизированной манеры переложителей 20-х годов XIX века его переложение 136-го псалма довольно органично соединяет в себе личное и сверхличное начало, религиозное и светское. Лексика, сюжет, композиция и самый «дух» сакрального образца представлены в полной мере. Но перед нами не нравоучение, а проникнутое глубоким лиризмом повествование иудейского пленника о своих душевных страданиях, о вере во всемогущество справедливого Господа. Перед нами – личность с ее светлыми «воспоминаниями», «томлением» по родине, с ее «позором», «пленом» и «гибелью», личность, жаждущая «воздания» не только Божественного, но и человеческого: «...блажен, кто на тебя грозой падет, как наш отмститель беспощадный». И если И. Дмитриев называет врагов «свирепой стражей», а В. Григорьев обозначает только их действие («И песней хотели»), как и первоисточник, то И. Бороздна отмечает их личностные проявления: «улыбку злую» и глубоко ранящую героя иронию их слов: «Что ж вы под небом Вавилона / из песен Вашего Сиона / нам не споете ни одной!». Дуальность и «пограничность» жанра, его духовно-религиозная и субъектно-психологическая природа наглядно представлены в данном переложении.

Следует отметить, что лиризм всех рассмотренных переложений 1-го и 136-псалмов подчеркивается многообразным употреблением личных и притяжательных местоимений и восходит к Псалтири.

Итак, анализ ряда интерпретаций только двух псалмов в русской поэзии XVIII – начала XIX

века делает очевидными глубокий лиризм и различные интерпретативные возможности жанра, формы его культурной и литературной актуализации; уникальное соединение духовно-религиозной и субъектно-психологической жанровой природы, взаимодействие личного и сверхличного начал, воплощенных в ипостаси автора как субъекта сознания и деятельности. Исследование конкретных текстов показывает эволюционную динамическую природу жанра, движение художественного сознания автора, а значит, и движение субъектной организации переложений от риторичности к душевному самораскрытию, к углублению психологизма; раскрывает диалогическую творческую природу жанра, удивительно осуществляющую себя в форме лирического монолога.

В результате проведенного анализа можно сделать краткий вывод, что в целом субъектно-мотивированная поэтическая природа жанра литературных переложений псалмов характеризуется: лиризмом, единением личного и сверхличного начал в субъектно-психологическом, духовно-религиозном и художественном сознании автора; эволюционной и динамической интерпретационностью, диалогичностью, дуальностью, «пограничностью» и культурно-стадиальной актуализацией.

И в наши дни уникальная художественная система: библейская Псалтирь и сложившийся в XVIII веке особый жанр духовной поэзии – стихотворные переложения псалмов – привлекает поэтов. Идеиные послы и художественные принципы у современных версификаторов различны, но в своей интерпретации практически все они опираются на отечественную псалмодическую традицию, родившуюся в XVII–XVIII веках: это переложения В. Куприянова, А. Величанского, Т. Кибирова, С. Аверинцева, Н. Гребнева, первого в конце XX века поэта, переложившего всю Псалтирь.

Заключение

Жанр переложений, как уже было сказано, жанр интерпретационный. Библейские псалмы как уникальная художественная система являются для переложений текстом-прототипом и ориентируют их на себя. Интертекстовые связи между ними прослеживаются как в тематике, так и в системе образов и художественных средств. Например, личностное и исповедальное начало в переложениях обусловлено их наличием в псалмах. Определяющей тематикой переложений, как

и псалмов, является диалог между Творцом и душой человека.

Наряду с объединяющими моментами в процессе взаимодействия сверхличного и личного начал рождается нечто новое, в чём главная заслуга принадлежит автору-перелагателю как субъекту сознания и деятельности: собирательное «я» псалмов стремится к индивидуальности; изменяется структура текста, превращаясь из ритмизованной прозы в стихотворный текст со своими законами; наблюдается выдвижение на первый план тех смысловых оттенков, которые в псалмах были в тени; наконец, переложения, говоря словами Л. В. Пумпянского, уже не «факт религии..., а ... факт истории религии» [Пумпянский, 1983, с. 320–324] и, добавим, истории литературы.

Таким образом, общеизвестное определение жанра как типологической группы внутри литературного рода позволяет считать, что именно такой группой и является жанр стихотворных переложений псалмов в лирике. Он обладает особым жанровым содержанием, небольшим объемом, своеобразными художественно-эстетическими качествами, имеет традиции бытования и перспективы развития.

Библиографический список

1. Барабаш Ю. Я. Псалмы Давида Тараса Шевченко: от сакрального текста к поэтическому «тексту» (опыт системно-компаративного анализа) // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 252–273.
2. Бухаркин П. Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога. Санкт-Петербург: Изд. С-Пб. университета, 1996. 169 с.
3. Бедина Н. Н. Псалтирь и ранняя русская книжность (XI–XIII вв.). Архангельск: Поморский университет, 2004. 139 с.
4. Библейская энциклопедия. Москва, 1990. С. 584.
5. Гече Г. Библейские истории. Москва: Издательство политической литературы, 1988. 367 с.
6. Глариантова Е. В. Христианские реминисценции в творчестве А. Кантемира // *Проблемы исторической поэтики*, 2011. № 1. С. 38–47.
7. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // *Проблемы исторической поэтики*, 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.
8. Калугина Е. Б. Духовная ода и переложение псалмов в современном литературоведении // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2015. № 2 (20). С. 74–83.

9. Козлова А. А. Жанр стихотворного переложения псалмов в русской поэзии первой половины XIX века. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.

10. Котельников В. А. О христианских мотивах у русских поэтов. Статья первая // Литература в школе, 1994. № 1. С. 6–9.

11. Котельников В. А. О христианских мотивах у русских поэтов. Статья вторая // Литература в школе, 1994. № 3. С. 3–10.

12. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. 608 с.

13. Маслова А. Г. Библиейские мотивы и образы в поэзии Е. И. Кострова // Проблемы исторической поэтики, 2020. Т. 18. № 1. С. 92–110.

14. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма (Поэтика Ломоносова) // Контекст. 1982. Литературно-теоретические исследования. Москва, 1983. С. 320–324.

15. Ратников К. В. Гусли Давида и русские лиры: вариации псалмических переложений в отечественной романтической поэзии первой половины XIX века // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2016. № 1. С. 78–88.

16. Семёнова Е. В. «Высокие» жанры (стихотворные переложения псалмов, оды) в русской поэзии конца XVIII – начала XIX вв. Москва, 1995. 18 с.

17. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. Москва : Наука, 1966. С. 100–101.

18. Симоненкова С. Н. Принципы трансформации сакрального текста в стихотворных переложениях псалмов в поэзии конца XIX века // Образование и культурное пространство. 2021. № 2. С. 92–101.

19. Синило Г. В. Книга псалмов как архетекст европейской культуры // Традиции и перспективы искусства как феномена культуры: сборник статей по материалам Международной научной конференции Академии имени Маймонида Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) / под общей научной ред. Я. И. Сушковой-Ириной; редакторы-составители М. Л. Зайцева, Р. Р. Будагян. Москва, 2019. С. 181–201.

20. Шеремет А. С. Творческий путь И. П. Бороздны (индивидуальность в контексте литературных традиций). Симферополь, 2015.

Reference list

1. Barabash Ju. Ja. Psalmy Davida Tarasa Shevchenko: ot sakral'nogo teksta k pojeticheskomu «tekstu» (opyt sistemno-komparativnogo analiza) = The psalms of David by Taras Shevchenko: from sacred text to poetic «text» (experience of a systemic comparative analysis) // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 3. С. 252–273.

2. Buharkin P. E. Pravoslavnaja cerkov' i russkaja literatura v XVIII–XIX vekah. Problemy kul'turnogo dialoga = The Orthodox Church and Russian literature in

XVIII–XIX centuries. Problems of cultural dialogue. Sankt-Peterburg : Izd. S-Pb. universiteta, 1996. 169 s.

3. Bedina N. N. Psaltir' i rannaja russkaja knizhnost' (XI–XIII vv.) = The Psalter and early Russian literacy (XI–XIII centuries). Arhangel'sk : Pomorskij universitet, 2004. 139 s.

4. Biblejskaja jenciklopedija = The Bible Encyclopedia. Moskva, 1990. S. 584.

5. Geche G. Biblejskie istorii = The Bible stories. Moskva : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1988. 367 s.

6. Glariantova E. V. Hristianskie reminiscencii v tvorchestve A. Kantemira = Christian reminiscences in A. Kantemir's work // Problemy istoricheskoy pojetiki, 2011. № 1. С. 38–47.

7. Esaulov I. A. Parafraz i stanovlenie novoj russkoj literatury (postanovka problemy) = Paraphrases and the development of new Russian literature (posing the problem) // Problemy istoricheskoy pojetiki, 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.

8. Kalugina E. B. Duhovnaja oda i perelozhenie psalmov v sovremennom literaturovedenii = Spiritual ode and the paraphrases of psalms in modern literary criticism // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija. 2015. № 2 (20). С. 74–83.

9. Kozlova A. A. Zhanr stihotvornogo perelozhenija psalmov v russkoj poezii pervoj poloviny XIX veka = The genre of psalm paraphrases in Russian poetry in the first half of XIX century. Moskva : MGU im. M.V. Lomonosova, 2005.

10. Kotel'nikov V. A. O hristianskih motivah u russkih pojetov. Stat'ja pervaja = On Christian motifs in Russian poetry. Article one // Literatura v shkole, 1994. № 1. С. 6–9.

11. Kotel'nikov V. A. O hristianskih motivah u russkih pojetov. Stat'ja vtoraja = On Christian motifs in Russian poetry. Article two // Literatura v shkole, 1994. № 3. С. 3–10.

12. Lucevich L. F. Psaltyr' v russkoj poezii = The Psalter in Russian poetry. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2002. 608 s.

13. Maslova A. G. Biblejskie motivy i obrazy v poezii E. I. Kostrova = Biblical motifs and images in E. I. Kostrov's poetry // Problemy istoricheskoy pojetiki, 2020. Т. 18. № 1. С. 92–110.

14. Pumpjanskij L. V. K istorii russkogo klassicizma (Pojetika Lomonosova) = On the history of Russian classicism (Lomonosov's poetics) // Kontekst. 1982. Literaturno-teoreticheskie issledovanija. Moskva, 1983. С. 320–324.

15. Ratnikov K. V. Gusli Davida i russkie liry: variacii psalmicheskikh perelozhenij v otechestvennoj romanticheskoy poezii pervoj poloviny XIX veka = David's Psalter and Russian lyres: variations of psalm paraphrases in Russian Romantic poetry of the first half of XIX century // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region, 2016. № 1. С. 78–88.

16. Semjonova E. V. «Vysokie» zhanry (stihotvornye perelozhenija psalmov, ody) v russkoj poezii konca XVIII – nachala XIX vv. = «High» genres (poetic paraphrases of psalms, odes) in Russian poetry of the late XVIII – early XIX centuries. Moskva, 1995. 18 s.

17. Serman I. Z. Pojeticheskij stil' Lomonosova = Lomonosov's poetic style. Moskva: Nauka, 1966. С. 100–101.

18. Simonenkova S. N. Principy transformacii sakral'nogo teksta v stihotvornyh perelozhenijah psalmov v poezii konca XIX veka = Principles of sacred text transformation in poetic paraphrases of psalms in late XIX century // *Образование и kul'turnoe prostranstvo*. 2021. № 2. S. 92–101.

19. Sinilo G. V. Kniga psalmov kak arhetekst evropejskoj kul'tury = The Book of Psalms as an archetext of European culture // *Tradicii i perspektivy iskusstva kak fenomena kul'tury: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Akademii imeni Majmonida Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. N. Kosygina (Tehnologii. Dizajn. Iskusstvo) / pod obshhej nauchnoj red. Ja. I. Sushkovej-Irinoj; redaktory-sostaviteli M. L. Zajceva, R. R. Budagjan*. Moskva, 2019. S. 181–201.

20. Sheremet A. S. Tvorcheskij put' I. P. Borozdny (individual'nost' v kontekste literaturnyh tradicij) = The creative path of I. P. Borozdna (individuality in the context of literary traditions). Simferopol', 2015.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.